

ГЛАВА 1

Если с напряжением ждешь важного телефонного звонка, то трубка будет упорно молчать, все забудут ваш номер. Но если вы решили мирно полежать в ванне с пеной, то телефон начнет звонить как оглашенный. Я быстро выскочила из воды, схватила халат, натянула его на мокрое тело и бросилась искать мобильный, который заливался соловьем.

У нас большая семья и огромная собачье-кошачья стая, остаться одной в доме практически невозможно, но сегодня как раз такой уникальный случай. Рано утром Маша, Ирка и Иван погрузили в машину всех животных и повезли их в ветеринарную клинику. Нет, Хуч, Черри, Снап, Банди, Жюли и Клеопатра с Фифиной здоровы, просто мы раз в год проводим общую диспансеризацию, и, если честно, никто из четверолапых не любит ездить к доктору. Питбуль Банди, увидев врача со шприцем, обычно, не забыв предварительно описать, падает в обморок. Пуделиха Черри, едва к ней приближаются с желанием взять капельку крови, валится на пол и растекается, как желе. Черри словно лишается костей, и сгрести с плитки ее практически невозможно. Ротвейлер Снап избрал другую тактику, он устраивает натуральную истерику. Едва машина заруливает во двор клиники, как Снапун принимается выть, сперва тихонько, потом все

громче и громче, а когда его пытаются вытащить из автомобиля, «храбрый» пес тормозит всеми четырьмя лапами и орет так отчаянно, что сбегаются сердобольные прохожие и начинают возмущаться и звонить в общество защиты животных. С кошками чуть легче, они сидят в перевозке, и врачи научились вытаскивать их без особого ущерба для собственного здоровья, нужно лишь натянуть на руки толстые кухонные варежки. А вот Жюли, несмотря на свои крохотные размеры, отчаянно кусается. Йорку приходится заматывать пасть, и, пока доктор ее осматривает, Жюли упорно пытается прогрызть бинты. Она, как и Банди, норовит превратить кабинет в туалет, но, если питбуль писается бессознательно, от страха, терьериха действует намеренно. Как только ее опускают на пол, она с ловкостью обезьянки забирается на ботинки врача... А потом Маша стрелой мчится в ближайший торговый центр, чтобы приобрести доктору новую обувь взамен испорченной.

Единственный храбрец у нас мопс Хуч. Он спокойно входит в лечебницу и, не обращая ни малейшего внимания на очередь, важно шествует в знакомую комнату. Если на столе у ветеринара сидит незнакомая собака, Хучик с явным удивлением произносит:

— Гав?!

В переводе на человеческий язык это означает: «Эй, доктор, что за дела? Я уже здесь!»

После того как мопса усаживают под большой лампой, он протяжно вздыхает, сам подает медсестре правую переднюю лапу и отворачивает морду к стене. Наблюдать за тем, как у него берут кровь, Хучу не нравится. Весь персонал медцентра обожает мопса за примерное поведение, врачи, фельдшеры и уборщицы закармливают его вкусными дробками. Ясное де-

ло, остальных наших хулиганов никто ничем не угощает. Вот и сейчас, очевидно, уже душа мопса наслаждается проявлением всеобщей любви, а желудок — конфетами.

Дегтярев уехал в командировку, раньше чем в пятницу он не вернется, а Аркадий с Ольгой улетели в отпуск в Киев к маме Зайки, их не будет до двадцать пятого января.

Сегодня я могу наслаждаться столь редким для меня одиночеством. Вот только к телефону никто, кроме меня, не подойдет. Очень надеюсь, что это звонит посторонний человек, а не Маня, забывшая дома историю болезни кого-то из псов, она будет сердиться на мою нерасторопность.

Споткнувшись о консоль в коридоре и едва не опрокинув торшер в столовой, я заметалась в поисках трубки. И где она? Почему мы никогда не кладем аппарат на одно место? Кто оставил в кресле огрызок яблока? Чьи тапки разбросаны по полу? И что за настырная личность трезвонит с утра?

Наконец я увидела верещащий аппарат под диваном, встала на колени, схватила его и, запыхавшись, заорала:

— Кто там? То есть алло!

— Добрый день, — прозвучал в ответ красивый баритон, — позовите, пожалуйста, Дарью Ивановну Васильеву.

У меня отлегло от сердца. Слава богу, это посторонний человек, ему не придет в голову ругать хозяйку, которая не сразу откликнулась на вызов.

— Можно госпожу Васильеву? — повторил баритон.

— Слушаю, — ответила я.

— Вас беспокоит Сергей Петрович Водоносков.

— Извините, кажется, мы не знакомы, — осторожно уточнила я.

— Верно, — согласился баритон, — но нам очень надо побеседовать.

— Кому? — насторожилась я.

— Вам и мне. Приезжайте, пожалуйста, по адресу Туристская улица...

— Это абсолютно исключено, — решительно заявила я, не дослушав. — Я никогда не договариваюсь о свиданиях с незнакомцами. Допускаю, что вы порядочный человек, но мною с детства усвоено простое правило: приличные женщины не общаются невесть с кем невесть где.

— Очевидно, Афанасия Константиновна умела убеждать, раз вы запомнили ее уроки на всю жизнь, — засмеялся Сергей Петрович.

Я не сумела скрыть удивления.

— Откуда вам известно имя моей бабушки?

— Из дела, — коротко прозвучало в ответ, — ваша мать как свою родственницу указала Афанасию Константиновну. Впрочем, это длинная история, очень запутанная и, думаю, крайне для вас важная.

— Моя мать? Я ничего о ней не знаю, — окончательно растерялась я.

— Приезжайте и узнаете много интересного, — сказал Водоносов.

Я хотела уже воскликнуть: «Да, конечно, во сколько?», но вспомнила о наивных детях, которые в ожидании подарка бегут за педофилом, пообещавшим им новые игрушки, и бдитительно заявила:

— Соблазнительное предложение, естественно, мне очень хочется приподнять завесу над давними тайнами, но, повторяю, я не общаюсь с незнакомцами.

— Младенцы не появляются на свет, сжимая в

ручках телефонные книжки с номерами друзей. Рано или поздно приходится с кем-то заводить знакомство, — весело сказал Сергей Петрович. — Вы ведь в хороших отношениях с Ефимом Николаевичем Пузиковым?

— Да, мы учились вместе в институте и до сих пор дружим, — подтвердила я.

— Позвоните ему, но только прямо сейчас, — командовал Водоносков и отсоединился.

ГЛАВА 2

Разговор заинтриговал меня, поэтому я незамедлительно набрала номер Фимы. Пузиков некогда был звездой нашего курса. Немалую роль в этом сыграла его внешность: высокий блондин с большими карими глазами и красивой атлетической фигурой — бицепсы, трицепсы, — просто ожившая девичья мечта. Ефим здорово играл в волейбол, был на несколько лет старше однокурсников и, в отличие от нищих студентов, всегда был при деньгах. Пузикова звали во все компании, потому что великолепно знали: там, где появляется Фима с гитарой, никогда не бывает скучно. Рот у Пузикова никогда не закрывался, из него постоянно сыпались анекдоты, байки и подчас не очень литературные истории. Я никогда не любила скабрёзности, но в устах Фимы даже генитальный юмор звучал не пошло, а смешно. Ефим хорошо одевался, носил только импортные шмотки, за что однажды его вызвали в бюро комсомола и отчитали за преклонение перед западной модой.

Фима, не моргнув глазом, ответил:

— Я дружу с одноклассником Романом Зайцевым,

ему отец часто привозит подарки из командировок. Когда он ошибается размером, брюки и свитера достаются мне.

Больше претензий к франту не предъявляли: Зайцев-старший служил в КГБ, об этом знали даже институтские кошки, — ясное дело, от Ефима отвязались.

Единственным недостатком студента Пузикова была не очень хорошая успеваемость, иностранные языки давались Фиме с трудом. На занятиях он обычно подсаживался ко мне и шептал:

— Дашута! Погибаю, как швед под Полтавой! Помоги!

Я молча выполняла его задание, и Пузиков пел спасительнице хвалебную оду. На мой взгляд, Фиме следовало поступить в какой-нибудь технический вуз: он легко чинил неисправные электроприборы и ловко вбивал в стены гвозди. Как-то раз Фима за пять минут реанимировал у нас дома утюг. Уверенно разобрал агрегат, вытащил из него какую-то штуку, похожую на кустарные белые бусы, поковырял их, и бабушка вновь смогла беспрепятственно гладить.

Одно время Ефим пытался за мной ухаживать: провожал домой, пару раз звал в кино и даже дарил неизвестно где добытые коробки шоколадных конфет, настоящий раритет в те годы. Но мое сердце тогда было отдано другому парню, совсем не такому красивому и веселому, как Пузиков. Мой избранник принадлежал к породе маменькиных сынков, он искренне считал, что девушек господь создал для убления мужчин, и особо не заморачивался демонстрацией пылких чувств. Инициативу проявляла я, звонила ему сама и на вопрос: «Может, сходим в кино?» — слышала в ответ:

— Ну ладно, если тебе так хочется. Только купи билеты не ближе десятого ряда.

Очень хорошо помню, как на очередное Восьмое марта я сидела дома, ожидая поздравлений от возлюбленного, но до трех часов дня мой Ромео так и не прорезался. Я не выдержала и пошла рыдать в ванную, но не успели слезы хлынуть из глаз, как из прихожей донеслась веселая трель звонка. Мигом промокнув лицо полотенцем, я кинулась к входной двери. Ясное дело, на лестничной площадке сейчас стоит ОН. Бедняжка, ему пришлось с раннего утра носиться по Москве в поисках чахлах красных гвоздик, тюльпанов или мимозы. Вот почему милый до сих пор не поздравил меня с раннего утра, он готовил сюрприз!

Задыхаясь от счастья, я распахнула дверь и увидела... огромный букет бордовых роз, даже сейчас, когда флористы торгуют на каждом углу, он мог бы считаться роскошным, а уж в те далекие годы такие цветы казались нереально шикарными.

— Это мне? — прошептала я.

— С праздником, — весело произнес знакомый, но отнюдь не долгожданный голос, — а конфеты Афанасии Константиновне, хотя, конечно, и тебе не запрещено их есть. Чаем угостишь?

— Проходи, — с трудом скрыв разочарование, сказала я Фиме, — однако бабушка на работе.

— Я люблю твою бабулю, но не стану прикидываться огорченным из-за ее отсутствия. — Пузиков потер руки. — Вечер наедине с тобой для меня лучший праздник.

Последняя фраза звучала как признание в любви. Ну согласитесь, любой девушке лестно иметь поклонника, который ради нее готов на подвиги, а во

времена моей юности покупка двухэтажной коробки «Ассорти» и роз приравнивалась к победе на рыцарском турнире.

В тот день Фима был в ударе, он рассказывал анекдоты, изображал наших преподавателей и рассмешил даже вернувшуюся с работы Афанасию. В какой-то момент я подумала, не изменить ли свое отношение к Ефиму, и после ухода ухажера сказала бабуле:

— А он милый! И очень внимательный! Смотри, какие цветы принес!

Афанасия неожиданно нахмурилась:

— Не люблю розы!

— Правда? — удивилась я. — Впервые слышу! Интересно, где Фима раздобыл такой букет Восьмого марта?

— Скользкий он какой-то, — дернула плечом бабушка.

— Ты про подарок? — поразились я.

— Я о Пузикове говорю, — пояснила Афанасия. — Ну откуда у простого студента деньги на подобные подношения? Что ты о нем знаешь?

Я растерялась.

— Он старше нас, уже отслужил в армии, живет в общежитии.

Бабушка кивнула.

— Отец Фимы вроде был полковником, — продолжала я, — он давно умер, а мама его работает, только не помню кем, она живет в другом городе.

— Богатый жених, — подытожила Афанасия, неодобрительно косясь на коробку конфет.

— Нет, — засмеялась я, — Ефим по вечерам товарные вагоны разгружает и помогает кочегару в какой-то котельной.

— Значит, розы и конфеты парень украл, — сдела-

ла неожиданный вывод бабуля, — сувенирчики на половину моей зарплаты тянут.

— Не говори глупостей, — разозлилась я, — весь курс знает, что Пузиков в меня влюблен! Наверное, он на еде экономил, хотел устроить мне настоящий праздник.

— Мда, — крикнула Афанасия.

Мне ее реакция не понравилась, я хотела продолжить спор, но тут ожил телефон, на том конце провода оказался ОН, и я, начисто забыв и о бабуле, и о Фиме, понеслась на свидание.

Спустя неделю Фася неожиданно сказала:

— Дашенька, я не вечная!

Меня тут же охватил дикий страх.

— Терпеть не могу подобные разговоры! Сейчас же перестань! Наука идет вперед семимильными шагами, скоро найдут лекарство от старости, ты проживешь еще сто лет!

— Маловероятно, — улыбнулась бабуля, — пообещай мне одну вещь!

— Что угодно! — опрометчиво заверила я.

— Никогда не заводи романа с Пузиковым, — жестко сказала она. — Поверь, он неприятный человек!

— Опять! — всплеснула я руками. — Фима хороший! И он мой друг! С какой стати ты на него взъелась?

Бабушка ткнула пальцем в сторону стола:

— Мне очень не понравилась эта коробка!

Я хотела было раскричаться, но, вспомнив о почтенном возрасте Афанасии, подавила раздражение и сказала:

— Бусенька, мы просто приятели! Я люблю совсем другого мужчину!

— Вот и хорошо, — с явным облегчением воскликнула Фася.

Более мы не обсуждали Пузикова, я так и не поняла, по какой причине моя очень толерантная к окружающим бабуля на дух не выносила Ефима. Он изо всех сил старался ей понравиться, и, конечно же, внешне Афанасия не выказывала ему своего отношения, она была слишком воспитанна для того, чтобы фыркать человеку в лицо. Полагаю, Пузиков считал, что Фася, как и все вокруг, его любит, но я понимала: интеллигентно ему улыбаясь, в душе бабушка терпеть его не может.

Букет из роз завял, конфеты я съела, а в жестяную коробку из-под них стала прятать пуговицы. Кстати, коробка жива, хранится в шкафу до сих пор, и я по-прежнему держу в ней всякие мелочи.

После окончания института мы с Ефимом не потеряли связи друг с другом и пару раз в месяц непременно созваниваемся. Естественно, поздравляем друг друга с праздниками, Фима по сию пору очень внимателен, он и теперь ухитряется преподносить мне совершенно невероятные букеты — например, на Новый год я получила от него цветочную композицию в виде собаки. Понимаете, почему, услышав от незнакомого Водоносова фамилию «Пузиков», я моментально соединилась с другом и без обиняков спросила:

— Ты знаком с Сергеем Петровичем?

— Очень редкое сочетание имени и отчества, — тут же съязвил Фима. — Думаю, мне поможет фамилия.

— Водоносов, — быстро сказала я. — Он велел мне тебе позвонить.

— Серега?

— Так ты его знаешь?

— Конечно, причем очень давно, а что?

— Странная ситуация, — я ввела Пузикова в курс дела, — представляешь, Водоносов предложил мне встречу...

Ефим внимательно выслушал меня и с любопытством поинтересовался:

— А что ты знаешь о своей матери?

— Практически ничего, она умерла, когда я была младенцем.

— Вообще ничего не помнишь? — удивился приятель.

— Иногда мне снится странное помещение, — протянула я, — то ли коридор, то ли пеналообразная комната, в ней нету мебели, посередине стоит женщина в сером халате, я понимаю, что это мама, и начинаю рыдать. Но, скорей всего, это игра воображения, дама очень высокая, головой под потолок.

— Может, просто ты была совсем крохотная, — предположил Фима. — Чем меньше ребенок, тем более монументальными кажутся ему взрослые.

— Наверное, ты прав, — согласилась я, — но больше о своей матери мне ничего не известно.

— А Афанасия Константиновна что рассказывала?

— Ничего. Сообщила лишь, что мои родители пропали в горах. Они увлекались альпинизмом и погибли во время летнего спуска.

— И это все?

— Да, — вздохнула я, — никаких подробностей и никаких воспоминаний.

— Ну хоть фотографии она тебе показывала?

— В нашем доме не было снимков родителей, — нехотя признала я, — только мои детские: праздники в садике, съемки в школе. Когда я была крохой, в нашей комнате случился пожар, загорелся утюг. Афана-

сия сама потушила огонь, обошлась без пожарных, но пламя успело уничтожить альбом с фотографиями. Ни один снимок моих родителей не сохранился. Бабушка старательно скрывала прошлое, похоже, ей не хотелось, чтобы я знала правду о матери, которая жила с мужчиной без штампа в паспорте.

— Слушай, это так странно, — воскликнул Фима, — прости за замечание, но мы взрослые люди, поэтому, думаю, я не нанесу тебе травму. В юности я спрашивал у тебя про родителей, ни разу не услышал в ответ ничего внятного и сообразил: тебе неприятны эти разговоры. Один раз я проявил бестактность и попытался вызнать что-нибудь у Афанасии. Она на меня так посмотрела, что я прирос ногами к полу.

— Да уж, бабуля могла без слов любого на место поставить, — усмехнулась я, — со мной она тоже не откровенничала. На все вопросы Фася обтекаемо говорила: «Ты лишилась и матери, и отца очень рано, надеюсь, мне удастся вырастить тебя без комплекса сироты». Фася обещала рассказать подробности о родителях, когда я стану старше, но скончалась, так и не раскрыв рта. Я долго не могла понять, почему она скрывала от меня правду. Впрочем, она не сообщила и о том, что имела родную сестру Анастасию, по прозвищу Стюра-катафалк¹.

— Красиво звучит, — не сдержался от колкости Ефим.

— Стюра похоронила нескольких мужей, но не о ней речь! Один раз я попыталась суммировать крохи сведений, полученных от бабули, и поняла: мои родители не состояли в официальном браке. Предпола-

¹ История Стюры рассказана в книге Дарьи Донцовой «Бассейн с крокодилами», издательство «Эксмо».

гаю, что отец, узнав о беременности матери, попросту сбежал, а она от стресса тронулась умом и попала в психиатрическую клинику.

— Ой-ой-ой, — запричитал Фима, — совсем не-красивая история!

— Бабушка не хотела, чтобы малышка жила с мыслью о том, что ее мать сумасшедшая, — продолжала я, не обращая внимания на реакцию Пузикова. — После кончины дочери она поменяла квартиру, переехала в коммуналку на улице Кирова, нынешней Мясницкой, потом мы еще пару раз перебирались с места на место. Когда мне пришла пора получать паспорт, в милиции потребовали свидетельство о рождении. Бабушка вручила мне книжечку зеленого цвета, вернее, бумажку, напоминавшую сберкнижки прежнего образца. И тогда я узнала, что мою маму звали Елена Ивановна Васильева, а отца Иван Петрович Васильев. Думаю, Фася каким-то образом упростила сотрудницу загса пойти на должностное преступление, вероятно, дала взятку, и вместо прочерка в метрике у меня появился отец Иван Петрович Васильев. Афанасия боялась вырастить закомплексованного ребенка.

— Чушь! — воскликнул Фима. — Эка беда! Родилась вне брака! Да таких детей миллионы!

— Ты забыл время нашей юности? — удивилась я. — Все эти анкеты, которые заполнялись по любому поводу? Вторым вопросом в них было: «Паспортные данные отца, матери и место их работы». Затем шел еще более интересный третий пункт: «Находились ли ваши родители и ближайшие родственники на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками территории СССР?» Четвертая строка требовала ответа на коварный вопрос: «Имеете ли родствен-

ников за рубежом? И только потом шел приснопамятный пятый пункт: «Национальность».

Как заполнить анкету, ничего не зная про папу? Честно написать: «Об отце сведений не имею»? А вдруг он служил полицаем, сотрудничал с фашистами, проживает в Америке и является евреем? Меня бы ни за какие медали не приняли в университет, тем более на факультет иностранных языков! Фася понимала это и подстелила соломы на жизненном пути внучки. Ко мне не было претензий, потому что я везде писала: родители погибли во время летнего отдыха.

Они оставили меня с бабушкой, а сами укатили на Кавказ, сняли у кого-то из местных жителей комнату и лазили по горам. Однажды разразился ливень, и деревню затопил селевый поток, погибло все население, включая и группу альпинистов из столицы. У Фаси, очевидно, имелись свидетельства о смерти, но я их ни разу не видела и после ее кончины никаких документов не нашла.

— Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд, — схохмил Фима. — Твоя бабушка была выдающейся женщиной!

— Верно, — согласилась я. — Значит, ты характеризуешь Водоносова с положительной стороны?

— Нормальный мужик! — подтвердил Пузиков. — Раньше работал в КГБ, настоящий служака, чем-то на Дегтярева похож, по характеру, не внешне. Сейчас он по-прежнему на ответственной работе. Извини, подробностей не знаю, Серега не говорит на служебные темы, а я не спрашиваю. Мы с ним в основном о рыбалке и охоте треплемся. Водоносов давно женат, у него три дочери, внучка, хорошая семья.

— Уговорил, — остановила я Фиму, — встречусь с ним.

ГЛАВА 3

Записав адрес дома, где меня через час будет ждать Водоносов, я побежала в холл и была остановлена звонком телефона. Я схватила трубку, весьма удачно лежавшую на ботиночнице.

— Дашута! — залпом взорвался в ухе звонкий голос. — Как хорошо, что ты дома! Могла уехать! И тогда я из-за того, что тебя нет дома, попала бы в ужасную ситуацию, но ты дома, и я не попала в ужасную ситуацию из-за того, что тебя нету дома. Полагаю, это судьба!

Меня охватила тоска. Ну почему, когда Зайка или Маша пытаются дозвониться домой, телефон заваливается неизвестно куда и приходится его целый час искать? Нет бы трубке испариться сегодня, когда со мной жаждет пообщаться ужасная Галя Мысина. Нет, я хорошо к ней отношусь, мы дружим лет двадцать, но Галина не способна коротко и внятно разговаривать, а заткнуть фонтан ее «красноречия» невозможно. Вот и сейчас Галка тарыхтит как обезумевшая погремушка.

— Меня срочно отправляют в командировку! Уроды! Не имеют права! Я уже ездила на запуск! И снова! Елы-палы! А куда деть Александра Михайловича? Он один жить не может, сам еду не найдет, будет скучать! Вот скоты! Вся надежда на тебя... старт... расчет... телефон...

Я перестала слушать, лучше не вникать в детали. Пусть Мысина слегка успокоится и прямо сообщит, что ей требуется. Галка работает в оборонном НИИ, она каким-то образом связана с ракетами и вынуждена ездить на полигон, где проводят их испытания.

— У Нинки ремонт, — тарыхтела Мысина, — она